
Т. А. МАХНОВЕЦ, Л. В. ТИТОВА

**О некоторых особенностях русской повести XVII в.
(на материале «Беседы отца с сыном о женской злобе»
и повестей о хмеле)**

XVII в. справедливо определяется исследователями как переходный период от культуры Средневековья к культуре Нового времени. Большое количество работ, посвященных изучению многообразных и противоречивых процессов этой переломной поры,¹ безусловно свидетельствует о значительности научной проблематики, связанной с внутренней «перестройкой» культуры, благодаря которой Россия смогла войти в русло общеевропейского культурного развития.

Неоценимый вклад в разработку данной проблемы внес А. М. Панченко: начиная с фундаментального коллективного исследования русской беллетристики, где его перу принадлежат отдельные параграфы глав 11 («Сюжетное повествование и новые явления в русской литературе XVII в.») и 12 («Основные направления в беллетристике XVII в.»),² и продолжая главой о литературе «переходного века» в академической «Истории русской лите-

---

¹ *Еремин И. П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 12–21; *Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных русских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 139–179; *Лихачев Д. С.* Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 299–328; Русская литература на рубеже двух эпох (XVII–начало XVIII в.). М., 1971; *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода: От Средневековья к Новому времени. М., 1999; *Малж Э.* «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Варшава; Лодзь, 1992; *Демкова Н. С.* 1) Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997, 2) Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998; и др.

² Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 450–561.

ратуры»³ и блестящими исследованиями русской стихотворной культуры XVII в. и русской культуры в канун петровских реформ.⁴

Актуальной задачей остается изучение народной (демократической) беллетристики XVII в. Огромный пласт анонимных сочинений этой поры, сохранившихся в многочисленных четых сборниках XVII—XIX вв., пользовавшихся огромной популярностью в посадской, крестьянской среде и у среднего и низшего духовенства, еще не исследован в полном объеме. Создатели этих произведений для «построения» собственного текста активно использовали не только известные типы персонажей, но и блоки устойчивых художественных описаний и самых разных жанровых образцов: из дидактических слов, переводной новеллы, оригинальных русских повестей старой традиции и др.

Мы остановимся на одном из аспектов формирования и развития демократической повествовательной прозы XVII в. — создании беллетристических письменных памятников на основе нравоучительных слов.

Как нам удалось обнаружить при изучении литературной истории «Беседы отца с сыном о женской злобе», расположение материала в ней и ее состав более всего напоминают «Слова о добрых и злых женах», которые начиная с XI в. прочно вошли в литературный обиход. Самый ранний текст о злых женах известен еще по Изборнику Святослава 1076 г. Он также входит в состав Моления Даниила Заточника, Златоструя (XII в.), Измарагда, Пролога и Великих миней четых, не говоря уже о необозримом множестве различных выписок на эту, всегда злободневную, тему в сборниках смешанного состава. Среди пестрого разнообразия «слов» о злых женах немало таких, которые обнаруживают любопытные параллели к тексту «Беседы». Так, некоторые главы «Беседы», рассказывающие о женских хитростях и злобе, превосходящих коварство самых опасных животных, находят соответствие в «Словах о добрых и злых женах».⁵ В качестве примера приведем характеристику жены, уподобляющейся в своей злобе змее, из «Беседы» и «Слова о женах»:

«Беседа»

...Ис куста исходит змия и узрит
человека и от него бежит,
а злая жена подле человека лежит,
а змииным ядом дышет,
се истинная запазушная змия;
донеле же муж ея по ней ходит
и вопреки ничего не глаголет и она ему

«Слово о женах»

... змия бо идет к человеку,
ин боится ея, бежит от нея,
а жена зла возле мужа лежит —
дышит змиевым духом...⁶

³ Пангенко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 291—407.

⁴ Пангенко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; 2) Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

⁵ Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск. 1987. С. 122.

⁶ Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // Изв. Императорской Академии наук. СПб., 1855. Т. 4. С. 132.

терпит, а егда муж чем погрозит, и она
на него что змия
шипит. И аще ю бьет жезлием или
пинанием, или за власы рванием,
то злую жену ничто неймет, но точною
разжизает и она злобою своею, что
змия шипит, в сердце
его злохитрством секнет...⁷

Сопоставление текстов показывает, что автор «Беседы» несколько меняет акценты: у него змея убегает от человека, и только злая жена, запашная, змеиным ядом дышит на мужа. Заметим при этом, что сходства в словесном оформлении отдельных сравнений-характеристик, создающих портрет «змееподобной жены», нечасты; обычно в «Словах о женах» «душеполезные» истории о злой жене, уподобившейся в своем нраве хищникам, предельно кратки, конспективны. Звери, с которыми сравнивается «злая жена», только называются (например: «Несть злобы паче змеины злобы, разве женская; ...змия и скорпия, и ехидна, того злее жена зла...»),⁸ в «Беседе» же они вырастают в самобытные фантастические и бытовые зарисовки. Приведем из «Беседы» один из самых ярких примеров о ехидне: «Слыши, сыне мой, про ехидну, убо нравом такова есть: егда чада родит и снадает, чада же прогрызает утробу ея, и тако умирает. И сея убо ехидной уподобишя нынешния девицы, понеже убо многим мужам жены бывають, и во утробах своих уморят чада своя, а являютца, яко честныя девицы, а дела их скверных блудниц. И таковыя девицы в душевной пагубе пребывают, и заповеди святых нималу внимаху, и отец своих духовных учение призирают, и свое девство растлевают, и девическую печать разрушают. Сии убо девицы злее ехидны и змии бывають».⁹

Важно отметить, что «Беседа» обнаруживает сходство со «словами» о злых женах и в построении текста. Так, в начале «слов» идет сравнение женщин со зверями, а затем очень кратко, также конспективно говорится о библейских персонажах, пострадавших от женского коварства: «Перваго Адама нашего из рая изгна Бог жены ради... женою Давид в убийство впаде, женою Соломон прельщен погибе, Евдоксия царица Иоанна Златоустаго заточи, жена Самсона храброго ослепи, жена пророка Илью прогна и Предтечу Иоанна усекну, женою многи погибоша и в лютые грехи впадоша...».¹⁰ В «Беседе» этот список страдальцев несколько дополнен, рассказы о них идут в том же порядке, что и в «словах», но здесь они разрастаются до отдельных самостоятельных новелл.

К тому же сама конструкция «Беседы», основанная на противопоставлении двух точек зрения — отца и сына — относительно женских характеров, напоминает «Слова о добрых и злых женах», где также поочередно вы-

⁷ Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»... С. 205—206.

⁸ Тихоцрагов Н. С. Летописи русской литературы и древности. М., 1863. Т. 5, отд. 3. С. 145.

⁹ ИРЛИ, колю В. Н. Перетца, № 351, л. 234—234 об.

¹⁰ Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». С. 123.

сказываются диаметрально противоположные мнения. Это еще раз убеждает нас в том, что «Беседа» была создана на основе «Слов о добрых и злых женах», причем составитель «Беседы» отталкивался от такой литературной традиции «слов», которая сохранила следы отеческого предания. Так, например, в Ефросиновском сборнике XV в. в «Словах о добрых и злых женах» читаем: «Сыне, не внемли зле жене, мед бо каплет от уст жены блудницы...».¹¹ Возможно, такого типа «Слова о женах» (с обращением к сыну) и привели автора «Беседы» к мысли оформить свое сочинение по принципу «отеческого предания».

Таким образом, создаваясь как поучение, «Беседа» соответствовала канонам средневекового отеческого предания, которое было ограничено одной темой — темой «злых жен»; функции же ее главных персонажей (наставляющего отца и внимающего его наставлению сына) постепенно менялись. В первоначальном тексте «Беседы» роль сына пассивна, он безропотно внимает речам отца, всегда послушный и бессловесный, во вторичных редакциях он начинает спорить с отцом, пытается определить свою позицию относительно предмета разговора. Эта активность героя безусловно определяется временем создания текста. XVII в., разрушая средневековые жанровые каноны, смело вторгается и в область учительной литературы, именно поэтому жанр первоначального текста «Беседы», задуманной как отеческое предание, пытается «вырваться» за его рамки. Открытая структура памятника постепенно разрастается за счет введения новых беллетристических текстов: уже в Первоначальную редакцию «Беседы» в качестве иллюстративного материала вводятся повесть «от Старчества» о злой нравной жене, хронографическая повесть о юноше Папире, два приклада из «Римских деяний». Таким образом, «Беседа» постепенно превращается в сказание, повесть, примыкающую к разряду произведений, которые несомненно воспринимались читателями как «неполезное», занимательное чтение. Автор «Беседы», отталкиваясь от традиционного поучения, использует две разновидности диалога: вопросо-ответный книжный диалог и диалог-спор, близкий к фольклорному, игровому диалогу, и на их основе строит свое сочинение, достаточно далекое от назидательных целей традиционной учительной литературы. В духе XVII в. он создает свод повестей на «женскую тему», напоминающий популярные тематические циклы оригинальных русских повестей, появившихся в это же время (о Вавилонском царстве, о Хмеле, о Соломоне и Давиде и др.). Литературные своды тематически близких повествований широко представлены в XVII в. и памятниками переводной литературы, такими как «Повесть о семи мудрецах», «Римские деяния» и др.

«Беседа отца с сыном о женской злобе» полно и ярко отражает особенности развития повествовательной литературы «переходной эпохи», те черты нового, которые возникают в русской демократической прозе XVII в.

Подобная литературная судьба была и у сочинений о Хмеле. Стремление соединить назидание и занимательность обнаруживается в «Повести о Хмеле» и «Послании к некоему иноку о Хмеле», созданным в XVII в. на

¹¹ Каган-Тарковская М. Д. «Слово о женах добрых и злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 383.

основе «Слова о Хмеле» (XV в.), в котором особенности трактовки известной темы отличались от средневековых дидактических сочинений и вызывали настороженное к ним отношение.¹² Два самых ранних списка «Слова о Хмеле» (известного в рукописной традиции XV—XIX вв.) появились в 70-х гг. XV в.¹³ Это небольшое по объему сочинение может быть отнесено к тому слою культуры, который А. М. Панченко назван событийным:¹⁴ в нем предстает «одна из первых персонификаций отвлеченного начала в русской литературе, благодаря которой в литературу властно входит фантазия»,¹⁵ «Хмель — это первое и полное воплощение двойника главного героя». ¹⁶ Эти особенности «Слова о Хмеле» позволили Д. С. Лихачеву назвать его одним «из самых продвинутых в историко-литературном отношении произведений конца XV в.».¹⁷ Но именно такая «продвинутость» поставила перед книжниками XVII в. задачу преобразования текста с удалением всего, что могло смутить читателя.

Сказовый стих, узнаваемый с первых строк «Слова о Хмеле»,¹⁸ указывает на близость его смеховой культуре. Характерная для его содержания безнадежность¹⁹ заявляет о себе в похвальбе Хмеля своей властью над всей землей и «всяким человеком». Тема двойничества предстает в двух важнейших своих аспектах, показанных А. М. Панченко на материале литературы XVII в.: как тема социальная²⁰ и в духе творчества Ф. М. Достоевского, где двойничество — это и «претензия вытеснять других из пределов, занимаемых сими другими в этом мире»,²¹ и «жизнь как-нибудь».²²

Для жертв Хмеля «жизнь как-нибудь» начинается с утраты способности молиться, что делает их беззащитными перед злом. Они становятся равнодушны к себе и другим. Поэтому социальная тема развернута в «Слове о Хмеле» в двух планах: утрата своего социального статуса князем, боярином, купцом, княжим слугой, селянином, мастеровым и распространение бедствий на тех, кто пострадает без вины (это люди, зависимые от побежденных Хмелем).

Впечатление беспомощности человека перед лицом злой силы, стремительности происходящего усиливается сжатой словесной формой, обуслов-

¹² Об этих памятниках см.: *Махновец Т. А.* 1) Слово о Хмеле // *Словарь книжников*. Вып. 2: (Вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2: Л—Я. С. 405—408; 2) *Повесть о Хмеле* // *Словарь книжников*. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П—С. С. 212—213; 3) *Послание к некоему иноку о Хмеле* // Там же. С. 262—263.

¹³ РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 408, л. 387 об.—391 об.; РНБ, Кирилло—Белозерское собр., № 9/1086, л. 517—519 об.

¹⁴ См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 3.

¹⁵ *Лихачев Д. С.* Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР: Вторая половина XV в. Л., 1984. С. 19.

¹⁶ *Лихачев Д. С.* Жизнь человека в представлениях неизвестного автора XVII века // *Повесть о Горе-Злочастии* / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева, Л., 1985. С. 99.

¹⁷ *Лихачев Д. С.* Литература эпохи исторических размышлений. С. 19.

¹⁸ См.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. С. 10; *Махновец Т. А.* Ритмическая организация «Слова о Хмеле» // *Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма*. Новосибирск. 1985. С. 14—23.

¹⁹ См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 137.

²⁰ См.: Там же. С. 158.

²¹ Там же. С. 144.

²² Там же.

ленной ритмом сказового стиха. Бесповоротность происходящего утверждается во второй части сочинения, где слово «хмель» больше не употребляется: все беды исходят от пьянства.²³ Порок этот даже представлен в «Слове о Хмеле» как неискоренимый: «над пианым аще со всея земля сошлись бы попове и молитву бы сотворили, но вем, яко не прогнати пианьства, само-волнаго беса».²⁴

Настораживающее читателя утверждение о бессилии молитвы иереев отсутствует в списке «Слова о Хмеле», вышедшем из-под пера известного книгописца XV в. Ефросина: от второй части памятника он оставил лишь несколько предложений. Похвальба Хмеля также значительно сократилась: из нее исчезла вся длинная лестница социальных отношений, со ступеней которой низвергались в пустоту «сдружившиеся» с Хмелем. Среди проявлений «жизни как-нибудь» особое место здесь занимает лень. Притязания зловещего двойника на власть над всей землей устранены, но все ближайшее жертве Хмеля пространство заполняется теснящими его двойниками. Они не грозят, не похваляются, но вытесняют человека, подменяя все, что связано с житейским и душевным благополучием: «привязалася к нему злая лень, как милая жена, а сон — как отец, а охание — как любая чада. А злыдни на него смотрят, уловляют его, какъ свинию».²⁵

Подобный текст входит в сочинение, осуждающее лень, известное в более поздних списках, но не получившее устойчивого названия в научной литературе.²⁶ Неизвестно, введен ли этот поворот темы Ефросином или книгописец произвел характерное для него сокращение текста, уже объединившего два памятника с одинаковой ритмической структурой (сказовый стих), но могущество зловещего двойника заметно уменьшилось. Способность же двойников множиться, окружая и вытесняя жертву, заявила о себе впервые, опережая Горе с его родней и предвосхищая трактовку двойничества в творчестве писателей начала XX в. Ф. Сологуба, А. М. Ремизова, А. А. Блока (источником которого явилась, возможно, древнерусская традиция). Не давая и этой теме развиться, книгописец XV в. завершил текст, ставший весьма сжатым, темой женской. И она трактуется в границах умеренности, без привлечения примеров «женской злобы». В сравнении с другими списками «Слова о Хмеле» его текст в ефросиновской версии напоминает будничное учительное наставление мудрого, опытного проповедника: содержит предостережение от наиболее распространенных грехов, не утомляя и не пугая.

²³ Текст второй части «Слова о Хмеле» соотносится с целым рядом сочинений соответствующей тематики, но ближе всего к поучению в Прологе на 7 апреля, изданному: Пономарев Н. О происхождении и составе славяно-русского Пролога. Киев, 1875. С. 316.

²⁴ Слово о Хмеле // Повесть о Горе-Злочастии. С. 79.

²⁵ Слово о Хмеле // ПЛДР: Вторая половина XV века. С. 580.

²⁶ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. С. 569–570; Владимиров П. В. Древнерусское слово о ленивом и сонливом // Тр. IX археологического съезда (в Вильне). М., 1897. С. 317–322; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 93–94.

Сравнение содержания «Слова о Хмеле» по двум его ранним спискам (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), № 408, л. 387 об.—391 об.; РНБ, Кирилло—Белозерское собр., № 9/1086, л. 517—519 об.) обнаруживает те аспекты темы двойничества, которые выглядят сомнительно с точки зрения душеполезности чтения. Представления о злой доле, связанные с появлением двойника и способные вызвать сочувствие к человеку²⁷ (и это «одна из сквозных тем русской литературы»²⁸), противостоят представлениям о жизненной задаче: от исполнения ее и уводит двойник. Сочувствие другому человеку не отменяет личной задачи каждого. Уже в «Сказании о Борисе и Глебе» смерть предстает в словах Глеба как препятствие к духовному возрастанию: «Не порежете лозы не до коньца въздрастьша, а плод имуща!».²⁹ Образ человека, который «выявил в себе замысел Бога о нем», наиболее определенно воплощен в иконе и житии.³⁰ Но и в произведениях с выраженными особенностями светского содержания эта линия стала одной из основных: уже в «Поучении Владимира Мономаха» она неотделима от мысли о милости Божией. От этой мысли уводит многословность лживых двойников, утверждающих свое всевластие и беспомощность человека.

Опытный книжник XVII в., написавший на основе целого ряда общих по теме сочинений «Послание к некоему иноку о Хмеле», именно в духе основной православной традиции дал разрешение конфликта в повествовательной части своего сочинения, озаглавленной дополнительно словом «Притча». «Некий человек», годами пребывавший в пьянстве и нищете «ослепления ради от Хмелю душевных очес»,³¹ вернулся к трезвой жизни: «Богу наставляющу его на спасение».³² Занимательность повествовательной части «Послания», имеющей подзаголовки «Притча» и «Повесть», обеспечена неожиданным продолжением истории: Хмель побежден, пойман, связан и вынужден раскрыть «свою мудрость и силу и ухищрения вся».³³ Речь Хмеля здесь лишена опасной недосказанности, не вызывает мысли о неизбежной судьбе, доле, но содержит прямое указание на помощь беса, сходство с которым приобретает и Хмель. В то же время Хмель имеет функции антагониста сказок: вредит герою, который затем одерживает победу над ним.

Тон «Послания» лишен жесткости и непримиримости. Снисходительность к слабости другого человека, житейские советы и самоукорение автора, просьба о прощении и милости, обращение к адресату и надежда на милость Божию соответствуют монашеской позиции и служат примером читателю. В то же время занимательность явно входила в задачи автора «Послания» и достигнута им вполне.

²⁷ См.: *Лихачев Д. С.* Жизнь человека в представлениях неизвестного автора XVII века. С. 99.

²⁸ Там же.

²⁹ Сказание о Борисе и Глебе // ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 292.

³⁰ *Чернышев Н., протоиер., Жолондзь А. Г.* Некоторые вопросы нынешнего иконопочитания и иконописания // Проблемы современной церковной жизни, ее изучения и преподавания в Русской Православной Церкви: Материалы конф. 6—8 июня 1996 г. М., 1997. С. 21.

³¹ Послание к некоему иноку о Хмеле // ПЛДР: XVII век. 2-я кн. М., 1989. С. 245.

³² Там же.

³³ Там же.

Профессионализмом автора «Послания» не обладал книжник, преобразовавший его в «Повесть о хмельном питии».³⁴ Он ввел заново монолог-похвалу Хмеля, проявил начитанность, используя тексты, близкие к Палее исторической, библейским сказаниям (о гибели Самсона и Олоферна), хронографические известия, изречения о вреде неумеренности в питии, а также сочинение, озаглавленное как «Двоестрочное сказание о безмерном пьянстве и злом запойстве».³⁵ Завершает подборку текстов заключение из «Послания к некоему иноку о Хмеле».

Стремлением устранить опасного двойника близка к «Посланию» небольшая по объему «Повесть о Хмеле». Как и в «Послании», Хмель здесь имеет единственного слушателя. И это тоже «некий человек», но с другой историей. Он долго жил в уединении и, собирая в пустынном месте плоды лесной яблони, сорвал плод неизвестного вьющегося растения. Автор подчеркивает «ужас великий»,³⁶ который преодолевает человек, задавая вопросы невидимому собеседнику. Содержание монолога Хмеля здесь значительно смягчено, приводится даже упоминание об уместности питья на званом обеде. Но важнее то обстоятельство, что человек здесь имеет свободу выбора. И Хмель заботится о том, чтобы выбор был сделан верно: дает совет отбросить «смоковицу», по неведению сорванную человеком с неизвестного растения. Последовав совету, безымянный герой возвращается «в хижину» только с яблоками. Его размышления при возвращении близки к тексту, известному по «Слову святых отец о пьянстве» в его второй части, общей для I и II редакций Измарагда, и к проложному чтению на 7 апреля.³⁷ Эти размышления соответствуют по функции истолкованию притчи.³⁸ Но «Повесть о Хмеле» от притчи отличается тем, что ее безымянный герой совершил свой нравственный выбор давно: «Живяше бо в дебри и сотвори себе хижу, и живяше в ней много лет».³⁹

Ориентация на запросы и возможности читателя, не всегда искушенного в книжной премудрости, стала общей для новых произведений, созданных на основе текста «Слова о Хмеле» (которое при этом продолжало переписываться и в XVII в.). Желание сохранить привлекательность необычных, даже незаурядных в художественном отношении текстов, не смущая сомнительными мыслями, приводило к использованию своего рода отсылок к жанрам, известным своей душеполезностью («Повесть о Хмеле» часто в своем названии имеет слово «полезна»).

Продолжение и развитие темы двойничества и стремление преодолеть опасность, связанную с явлением двойника — лживого и коварного, — мо-

³⁴ РГАДА, МГАМИД, № 250/455, л. 358 об.—365; ГИМ, Епархиальное собр., № 693, л. 88—103 об.; РГБ, собр. Беляева, № 54 (1565), л. 40 об.—61.

³⁵ Голубев И. Ф. Вирши о смерти и пьянстве // ТОДРЛ. М.; Л. 1965. Т. 21. С. 81, 84—88.

³⁶ Повесть о Хмеле // Повесть о Горе-Злочастии. С. 81.

³⁷ См.: Калиновская В. Н. К изучению древнейших русских сочинений и слов против пьянства. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 58—59.

³⁸ См.: Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 21.

³⁹ Повесть о Хмеле // Повесть о Горе-Злочастии. С. 81.

гут быть, по-видимому, отнесены к двум, связанным друг с другом линиям *loci communes* в русской культуре, на важность исследования которых обратил внимание А. М. Панченко.⁴⁰

* * *

Собственно беллетристическая проза в русской литературе появляется только в середине XVII в., до этого времени потребность в занимательном повествовании удовлетворялась в значительной мере либо фольклором, либо нравоучительными, но занимательными в содержательном плане патериковыми легендами, либо близкими к сказке «баснями и кощунскими», резко осуждавшимися церковью и, более того, запрещенными на Руси для чтения.

В XVII—XVIII вв. памятники, ушедшие в «четыре» сборники, изменяют свой язык, дополняются новыми нравоучительными переводными новеллами, приближаясь все более и более к разряду беллетристики. «Беседа» и произведения о Хмеле относятся к кругу тех оригинальных русских сочинений, которые к началу XVIII в. перешли в область развлекательной литературы и охотно тиражировались.⁴¹

Представленные материалы дают возможность увидеть одно из направлений, по которому шло формирование беллетристики XVII в.: создание повестей на основе нравоучительных слов. Таков был начальный этап перехода старинной учительной литературы в разряд беллетристики.

---

⁴⁰ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 201.

⁴¹ Следы тиражирования рукописных сборников в XVIII в. были обнаружены нами в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 2053 (1084). На полях этого сборника напротив заглавий помещенных в нем сочинений имеются киноарные пометы, адресованные писцу «списывать» или «не списывать» тот или иной текст. См.: Титова Л. В. Русская повесть в составе сборников XVII—XVIII веков // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология. С. 120—121.